ФОКУСНИКЪ.

— А, мой драгоцѣнный! Вотъ встрѣча — истинный подарокъ, право! Куда путешествуете?

— Да я просто вышелъ послоняться немного.

— Такъ зайдемте же ко мнѣ. Не откажите хоть теперь; васъ поймать нелегко. Вы, если не ошибаюсь, даже не были у меня въ нынѣшнемъ жилищѣ моемъ, не видѣли ларовъ моихъ и пенатовъ, какъ говаривали поэты наши, лѣтъ двадцать или тридцать. А помните ли вы еще это время? Да гдѣ вамъ! вы ужь составляете другое поколѣніе; вы молодецъ въ сравненіи съ нами, старичками... а согласитесь, пора была замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Сколько проснулось тутъ юныхъ силъ! сколько воспрянуло истинно-родныхъ чувствъ, горячихъ, благородныхъ... и гдѣ же это все? Все опошлилось, все замерло въ самомъ

зачатіи; снаружи не дозрѣло, а въ срединѣ ужь загнило... Знаете ли, сколько есть замѣчательныхъ анекдотовъ того времени, которое я помню еще, будто все это случилось вчера или третьягодня?.. Ну, замолчу, однако, вопервыхъ, потому, что объ этомъ нехорошо говорить вообще, въ-особенности же послѣ обѣда, когда еще пищевареніе некончено; вовторыхъ, и потому, что объ этомъ неловко говорить на улицѣ, а втретьихъ, наконецъ, потому, что помню предостерегательный для нашего брата-говоруна анекдотъ, извѣстный подъ заголовкомъ: *Еще одинъ казакъ остался*... Вы, конечно его знаете?

— Нѣтъ, виноватъ, не знаю. А между-тѣмъ мы продолжали прогулку свою, причемъ правая рука моя ущемлена была локтемъ пріятнаго собесѣдника.

— Такъ послушайте: у насъ былъ — когда я еще носилъ военный мундиръ и, какъ говорится, не разъ за отечество жизнь терялъ — былъ нѣкто майоръ Посконный, человѣкъ, впрочемъ, почтенный, даже храбрый офицеръ, но самый несносный изъ

всѣхъ говоруновъ и разскащиковъ въ мірѣ. Вотъ онъ, послѣ похода двѣнадцатаго года, бывало, засѣкалъ до смерти несчастныхъ слушателей безконечными повѣствованіями о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Надобно вамъ сказать, что человѣкъ этотъ никогда не вралъ, но правда его была хуже всякой лжи, потому–что ей никогда не было конца. Любимымъ разсказомъ его была переправа войскъ нашихъ черезъ Рейнъ. Поймавъ однажды слушателя — разумѣется, за пуговицу — которому не было никакой возможности дослушать все это до конца, потому–что ему необходимо было поспѣшить въ другое мѣсто, гдѣ его давно ожидали — поймавъ этого несчастнаго, майоръ Посконный продержалъ его за пуговицу неболѣе какихъ–нибудь двухъ часовъ, переправляя войска съ большою осторожностью, батальйонъ по батальйону и эскадронъ по эскадрону и, наконецъ, благодаря Богу, переправилъ ихъ благополучно; нетерпѣливый слушатель, порывавшійся во все время въ тоскѣ на просторъ,

обрадовался этому — какъ я теперь этой встрѣчѣ съ вами — и, вздохнувъ, сказалъ: «Ну, и слава Богу; теперь всѣ», а самъ ухватился–было за шапку; но майоръ спокойно отвѣчалъ, не выпуская, впрочемъ, пуговицы изъ рукъ: «Нѣтъ, позвольте, еще одинъ казакъ остался»... и съ этого отсталаго казака завязывалась рацея, которую, бывало, не переслушаешь съ утра до полуночи. Такъ вотъ, я говорю, уроки нашему брату! Ну, а вы какъ поживаете?

Между–тѣмъ мы дошли до его квартиры. Я слышалъ объ отдѣлкѣ ея, о томъ, что она устроена на англійскій манеръ, въ трехъ ярусахъ дома, съ теплой и красивой лѣстницей по срединѣ. При всемъ томъ я съ трудомъ вѣрилъ глазамъ своимъ и не постигалъ чудесъ, которыя видѣлъ. Человѣкъ, безъ всякаго состоянія, безъ капиталовъ, безъ имѣнія, безъ всякихъ доходовъ, жилъ всегда, сколько люди запомнятъ, и живетъ теперь, великолѣпно, роскошно, проживая десятки тысячъ въ годъ. Ему надоѣла старая квартира не только потому, что она по отдѣлкѣ и

убранству сдѣлалась уже несовсѣмъ–модною, но и потому, что несчастный хозяинъ около полугода употребляетъ всевозможныя средства, чтобъ избавиться отъ жильца, который никогда не платилъ за квартиру, а умѣлъ, Богъ–вѣсть какъ, занимать ее военнымъ постоемъ; иной бы затруднился при такихъ обстоятельствахъ, но фокусникъ нашъ, напротивъ, извлекъ изъ этого еще значительную для себя пользу: онъ выбралъ другую квартиру, гораздо–шире и удобнѣе старой, въ лучшей части столицы, отдѣлалъ ее покняжески, не щадя ничего, и перебрался. Какъ это сдѣлалось, чѣмъ уплачены расходы, непосильные даже для человѣка съ состоянiемъ, какимъ–образомъ въ–теченiе тридцати лѣтъ, то–есть со времени возмужалости своей, фокусникъ нашъ, живя постоянно въ одномъ и томъ же городѣ, всегда находитъ такой запасъ новыхъ и свѣжихъ дураковъ, готовыхъ для него разориться — все это тайна его, какъ были свои непроницаемыя тайны у знаменитаго Пинетти и его собратiй.

У входа съ крыльца въ переднюю, на половину барина, я замѣтилъ вставленное въ двери, на вышинѣ человѣческаго роста, стеклышко. Необыкновенное устройство это обратило на себя мое вниманіе. Замѣтивъ это, хозяинъ спросилъ: «Что вы смотрите — а? это... это такъ, для удобства, для предварительнаго знакомства съ посѣтителемъ. Ужасно много мошенниковъ всякаго рода шатается теперь по городу». Я уже слышалъ прежде, что, вслѣдствіе такого предварительнаго знакомства съ посѣтителемъ, иному предоставлялось оборвать колокольчикъ, но дверь для него не отворялась. Мы вошли въ первую комнату этой половины: палевыя, шелковыя обои, съ бѣлыми разводами; мёбель орѣховая, рѣзная, новѣйшаго вкуса; занавѣсы надъ окнами и дверьми ярко–желтаго штофа съ малиновымъ приборомъ; люстры и канделабры прямо изъ Парижа; картины не одинаковаго, но и не послѣдняго достоинства, о которыхъ разсказы и поясненія словоохотливаго хозяина могутъ только развѣ поспорить съ

великолѣпіемъ и изяществомъ замѣчательныхъ по красотѣ своей рамокъ. Я былъ истинно–изумленъ, постоянно думая о томъ, что тутъ нѣтъ ни одной нитки, за которую были бы заплачены деньги. Мы прошли еще двѣ комнаты, заглянули въ боковую, уборную, и вошли въ кабинетъ. Уборная эта была самая важная и таинственная комната въ домѣ, которая всегда показывалась только поверхностно, истинное же достоинство и назначеніе ея хозяинъ оставлялъ для посѣтителей подъ спудомъ; но молва — этотъ злодѣй всѣхъ тайнъ людскихъ и тайниковъ — знала все и разсказывала вотъ что: когда прорывался въ переднюю докучливый и грозный посѣтитель, для котораго хозяина разъ навсегда не было дома, то онъ въ одинъ прыжокъ спасался въ уборную, замыкалъ ее изнутри, вынималъ ключъ и спокойно ждалъ развязки. Для этого, вопервыхъ, въ уборную было двое дверей: одна явная, изъ гостиной, и если посѣтитель требовалъ впустить его туда, то объявлялось, что

баринъ, выходя со двора, ключъ отъ уборной всегда уноситъ съ собой; другая же, потайная, подъ лицо съ шпалерами и съ другими затѣями, вела туда прямо изъ кабинета. Вовторыхъ, не только въ уборной, но и во всѣхъ комнатахъ была принята особенная предосторожность, чтобъ нельзя было пустить соглядатая въ замочную щелку: всѣ дверные замки были завѣшаны небольшими коврикамиі прекрасной работы. Втретьихъ, не только великолѣпный умывальный шкапъ, стоявшій въ уборной, могъ служить, въ случаѣ крайности, довольно–сноснымъ помѣщеніемъ для хозяина, но изъ уборной же вела дверь, скрытая въ подобіи шкафа, прямо на черную лѣстницу, гдѣ, насупротивъ, жилъ сапожникъ, большой пріятель нашего милаго хозяина, потому–что этотъ, какъ лиса, никогда не промышлялъ по сосѣдству съ жилищемъ своимъ и у сапожника обуви не заказывалъ. Еслибъ нужно было сдѣлать о фокусникѣ по законамъ нашимъ повальный обыскъ, то всѣ отзывы о немъ — кромѣ развѣ только

отзыва хозяина дома — были бы въ его пользу, потому–что онъ разъ навсегда жилъ со всѣми сосѣдями въ ладахъ и умѣлъ всякаго на первыхъ порахъ обворожить и расположить въ свою пользу. Къ этому–то сапожнику спасся нашъ фокусникъ между–прочимъ, однажды, какъ гласитъ молва, когда какой–то отчаянный заимодавецъ хотѣлъ прибѣгнуть къ крайней степени преступнаго самоуправства и ворвался въ жилище фокусника, несмотря на всѣ предосторожности хозяина, съ нарочно–купленною для этого случая, надежною камышевою тростью.

Кабинетъ въ–самомъ–дѣлѣ озадачилъ меня, и я готовъ признать его кабинетомъ рѣдкостей, художества, ремеслъ и промысловъ — словомъ, чѣмъ угодно. Гуськамъ и кронштейнамъ съ статуйками лучшей работы не было конца; книгамъ, картинамъ и счету нѣтъ; а куда ни обратишься, на что ни взглянешь — все привлекаетъ вниманіе то блескомъ, то вкусомъ, то странностью, то удобствомъ и уютностью...

Я стоялъ и изумлялся, между–тѣмъ, какъ хозяинъ занималъ меня очень–пріятно, безъ умолку. Признаюсь, я слушалъ только краемъ уха. Я думалъ тогда про–себя: «еслибъ я былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ находился хозяинъ за нѣсколько мѣсяцевъ, что бы я сталъ дѣлать? Еслибъ, то–есть, я задолжалъ во всѣ лавочки, лавки, магазины, лабазы, подвалы, винные погреба, портерныя, ликерныя и штофныя, всѣмъ сапожникамъ, портнымъ, обойщикамъ, столярамъ, даже полотерамъ, задолжалъ десятки тысячъ, то–есть гораздо–болѣе, чѣмъ у меня, вѣроятно, во всю остальную жизнь мою будетъ въ рукахъ наличными... еслибъ, сверхъ–того, я забралъ у всѣхъ добрыхъ пріятелей, у кого сто, у кого тысячу, у кого, наконецъ, пять или десять рублей, да у ростовщиковъ, курьеровъ, вольноотпущенныхъ, крещеныхъ жидовъ и армянъ, по двадцати и двадцати–пяти со ста, также десятки тысячъ... еслибъ, къ этому, со всѣхъ сторонъ поступали на меня взысканія, полиція ходила описывать и

опечатывать гуськи, картины и кронштейны мои, а отчаянные заимодавцы, скрежеща зубами, гонялись за мною съ палками... а хозяинъ выживалъ бы меня, чрезъ полицію, на улицу и мнѣ потому только осталась бы, для преклоненія главы отъ непогоды, моя бывшая передняя, что полиція же обязала хозяина дома подпиской хранить вошедшія въ опись вещи мои, запечатавъ, впрочемъ, всѣ комнаты, между–тѣмъ, какъ я же былъ обязанъ подпиской отвѣчать за цѣлость печатей... спрашиваю: что бы я сталъ дѣлать въ такомъ положеніи?... Холодъ пробѣжалъ по мнѣ отъ головы до пятокъ и встряхнулъ всѣ мои члены... Люди находятъ одинъ только выходъ изъ этой пропасти — пулю въ лобъ!... Я опять, какъ снова очнувшись, оглянулся вокругъ и не могъ не сознаться внутренно, что фокусникъ умнѣе насъ: онъ перешелъ изъ описаннаго мною положенія непосредственно въ настоящее... Какимъ–образомъ? — Это его тайна.

Звонокъ заставилъ меня опомниться и оглянуться. Хозяинъ не показалъ въ

движеніяхъ своихъ никакого участія къ этому ничтожному событію, или старался не показать его, но природа ему измѣнила: лицо его приняло выраженіе человѣка, сосредоточившаго все вниманіе свое, всѣ напряженныя умственныя силы на одинъ предметъ, и въ то же время онъ очень–ловко, будто случайно, понизилъ голосъ; я сталъ продолжать разговоръ очень–тихо, прислушиваясь чуткимъ ухомъ своимъ къ тому, что происходило въ передней. Я уже прежде слышалъ, что если посѣтитель фокусника принадлежалъ не къ числу желанныхъ, и притомъ какъ–нибудь прорывался, несмотря на всѣ отказы и запреты часоваго, то этотъ подавалъ условленный знакъ, задерживая между–тѣмъ посѣтителя повозможности громкимъ провозглашеніемъ въ залѣ словъ: «да я же вамъ говорю, сударь, что ихъ нѣтъ у себя»... И тогда хозяинъ поспѣшно скрывался чрезъ потаенную дверь, либо въ уборную, либо къ другу своему, сапожнику, увѣряя его, что съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ точаютъ

голенища или протарачиваютъ рантъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я подобнаго явленія, но вышло совсѣмъ иное: хозяинъ вдругъ принялъ прежнюю, непринужденную и неозабоченную складку свою, опять возвысилъ голосъ и встрѣтилъ очень–привѣтливо и снисходительно молодаго человѣка, который съ нимъ раскланивался. «Ничего, ничего, все–равно» отвѣчалъ любезный хозяинъ на извиненія художника, опоздавшаго нѣсколькими днями противъ обѣщанія своего и представлявшаго теперь заказанную картину на судъ знатока и своего патрона. Этотъ взглянулъ на картину, отнесъ ее подальше, опять приблизился, опять отставилъ, посмотрѣлъ въ кулакъ и съ благороднымъ движеніемъ головы, будто невольно вырвавшемся у знатока, сказалъ: «очень–мило, очень–мило; это талантъ». Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: «это вамъ истинно приноситъ много чести, молодой человѣкъ, очень–много чести».

— Вы незнакомы? спросилъ онъ меня: — это молодой художникъ N. N. Вы,

вѣроятно, слышали о немъ; онъ подаетъ большія надежды, большія надежды. Посмотрите, какъ это мило! Это, такъ–сказать, моя мысль, моя задача, и посмотрите, какъ это прекрасно исполнено! Очень–хорошо, продолжалъ онъ, обращаясь къ художнику. — Вамъ слѣдуетъ... мы, кажется, условились за триста рублей?

— Двѣсти рублей, сказалъ художникъ робко и въ небольшомъ недоумѣніи, видимо сожалѣя, что ограничился такою скромною цѣною, когда этотъ богачъ, передъ которымъ онъ теперь стоялъ, даже не помнитъ хорошенько цѣны и, повидимому, съ такою же беззаботностью заплатилъ бы триста, какъ теперь платитъ двѣсти.

— Да, виноватъ, извините, двѣсти... сейчасъ... благодарю васъ... право, очень, очень–благодаренъ.

Онъ отошелъ къ столу; пружина машиннаго ларца отозвалась нѣсколькими ударами, въ родѣ часовъ съ репетиціею; замокъ щолкнулъ, и хозяинъ явился опять

передъ нами, передавая художнику съ благодарностью деньги...

Признаюсь, я не вѣрилъ глазамъ своимъ и мысленно самъ схватился за карманъ; мнѣ казалось, что комедія эта не могла быть съиграна ни для кого, кромѣ меня недостойнаго, изъ чего бы и слѣдовало заключить, что у хозяина есть какіе–нибудь виды на меня... Но я въ то же мгновеніе былъ пораженъ явленіемъ, которое могъ ожидать еще менѣе перваго: фокусникъ только далъ бѣдному художнику протянуть руку за деньгами, какъ вдругъ быстро отдернулъ ихъ, ударилъ себя другою рукою по лбу, назвалъ себя скотиной, извинился и продолжалъ:

— Боже мой! какъ я разсѣянъ, какимъ я подъ старость дѣлаюсь забывчивымъ, не повѣрите, ей–Богу! Вообразите: теперь только, отдавая вамъ должокъ свой, вотъ эти двѣсти рублей, я вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ... (онъ поспѣшно взглянулъ на часы) ну да, слава Богу, еще не опоздалъ, часъ только... обѣщалъ сегодня,

непремѣнно къ двумъ часамъ отослать эти деньги.

Онъ позвонилъ, человѣкъ вошелъ; онъ подалъ ему деньги и сказалъ:

— Отослать сію же минуту эти двѣсти рублей съ Никифоромъ къ Ивану Павлычу — знаешь? Да сейчасъ же! Извините, любезнѣйшій, продолжалъ онъ, обратившись къ художнику: — завтра же ровно объ эту пору вы получите свое — объ этомъ не безпокойтесь: картина ваша у меня на глазахъ, и я не забуду... завтра въ часъ, непремѣнно, даже, пожалуй, въ полдень, ровно въ полдень; я уже къ одиннадцати часамъ буду при деньгахъ. Тогда я попрошу васъ еще зайти ко мнѣ: у меня есть еще другая мысль, которую вы, конечно, не откажетесь исполнить и исполните съ такимъ же талантомъ, какъ эту, и, право, вамъ это впередъ послужитъ на пользу!

Бѣдный художникъ до того былъ этимъ пораженъ, что покраснѣлъ до самыхъ мочекъ ушей, раскланялся, ушелъ, и — распростился съ деньгами своими навсегда:

онъ ихъ только понюхалъ. Впередъ хозяина для него никогда болѣе не было дома, а, встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ, онъ долженъ былъ выслушать нѣсколько разъ преловкій и презабавный разсказъ фокусника о томъ, какъ онъ, фокусникъ, разсѣянъ, и какъ вотъ этотъ молодой человѣкъ спасъ его однажды, случайно, отъ непріятности не сдержать слово свое, напомнивъ такимъ–то именно образомъ о другомъ долгѣ... «Вообразите» говорилъ онъ: «и въ ту самую минуту, когда я уже протянулъ руку, чтобъ передать ему деньги, я вдругъ вспомнилъ» и прочее. Все это бѣдный художникъ долженъ былъ выслушивать терпѣливо; онъ не могъ, безъ слишкомъ–грубаго нарушенія всякаго общественнаго приличія, напомнить при этомъ случаѣ, что другіе двѣсти рублей о–сю–пору еще не заплачены... А между–тѣмъ, само–собою разумѣется, деньги возвратились въ шкатулку хозяина, у котораго и не бывало въ домѣ слуги, подъ названіемъ Никифора, и самое имя Ивана Павловича сказано было на–обумъ, и

придумано въ ту критическую минуту, когда отгадалось загадочное порученіе идти туда, невѣдомо–куда, искать того, невѣдомо–кого, отдать тому, невѣдомо–кому…

Художникъ, какъ я сказалъ уже, ушелъ, и я довольно–разсѣянно продолжалъ слушать пріятные разсказы моего любезнаго хозяина, но за то съ истиннымъ изумленіемъ наблюдалъ всѣ дѣйствія и движенія его, уловки и непринужденные, глубоко–обдуманные пріемы, и разсматривалъ по временамъ всѣ окружающіе меня предметы. Чѣмъ больше я видѣлъ и слышалъ, тѣмъ болѣе изумлялся. Кончивъ презабавный и просто–разсказанный анекдотъ, хозяинъ отнялъ у меня, безъ обиняковъ, шляпу, позвонилъ и приказалъ подать завтракъ. Я спокойно ожидалъ исполненія этого приказанія — виноватъ, считая его за надувательство: я зналъ очень–хорошо, что на фокусника, какъ выше упомянуто, вообще, по принятымъ имъ правиламъ, работали портные и сапожники самыхъ

отдаленныхъ странъ; что припасы также забирались сначала въ дальнихъ лавочкахъ и магазинахъ, а въ ближайшихъ уже тогда только, когда счастіе начинало измѣнять и вскорѣ предстояло перемѣнить жилище; я зналъ, что люди его, на этомъ основаніи, бѣгали за каждой свѣчой и за кускомъ мыла изъ Морской къ Николѣ–Морскому, что и тамъ кой–какіе припасы добывались почти съ бою, а большею частью не давалось ничего, но, къ крайнему изумленію моему, черезъ десять минутъ появился балыкъ, икра, сельди въ маслѣ, маринованная форель, сыръ двухъ родовъ, вино... Я поправился на стулѣ и подумалъ рѣшительно: «пора бѣжать: это не къ добру; тутъ непремѣнно кроются какіе–нибудь виды на меня; буду держать ухо востро».

Заманчивая бесѣда продолжалась, и хозяинъ, вспомнивъ, что я играю на віолончели, присталъ неотступно, чтобъ назначить вечеръ и съиграть что–нибудь съ супругой его, большой любительницей музыки и искусной пьянисткой. Я старался

замять разговоръ, не желая завязывать такого короткаго знакомства и зная притомъ, что супруга фокусника играетъ вольно, не стѣсняясь ладомъ и мѣрой, почему и играть съ нею вмѣстѣ бѣда. Надобно также сказать, что у нихъ бывали, несмотря на это, музыкальные вечера, на которыхъ хозяйка пожинала рукоплесканія, будучи сопровождаема скрипкой или віолончелью лучшихъ здѣшнихъ солистовъ. Виртуозовъ этихъ приглашали, какъ на урокъ, по двадцати–пяти рублей ассигнаціями за часъ, съ условіемъ платить за десять уроковъ. Девять вечеровъ оканчивались благополучно, хозяева старались обворожать скрипача своею свѣтскою любезностью; но когда онъ приходилъ на десятый урокъ, то барыни не было дома; на слѣдующей недѣлѣ случалось то же, тамъ опять то же: не отказываютъ, не приказываютъ, а въ урочный часъ нездорова, либо нѣтъ дома. Между–тѣмъ, взятъ уже вмѣсто скрипача віолончелистъ и день перемѣненъ; заработавъ также смычкомъ своимъ

двѣсти–двадцать–пять рублей и натѣшивъ отборное общество, онъ приходитъ за десятымъ билетикомъ, положивъ и бумажникъ свой про запасъ въ карманъ для полученія денегъ; но господъ дома нѣтъ. «Это неловко» подумалъ онъ: «я временемъ своимъ дорожу и попрошу, безъ обиняковъ, чтобъ часъ этотъ былъ зачтенъ въ число уроковъ...» Проси, другъ мой; было бы кого просить: тебѣ прійдется еще потерять много такихъ часовъ и много разъ прогуляться даромъ, если ты не рѣшишься похерить изъ своего прихода двухсотъ–пятидесяти рублей и тѣмъ избавиться отъ лишнихъ и вовсе безполезныхъ хлопотъ!

Расположивъ меня окончательно любезными шуточками въ свою пользу, фокусникъ взялъ меня чуть не подъ–мышку, и, снабдивъ превосходной сигарой, повелъ прогуляться взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ искусно навелъ бесѣду на промышленное направленіе вѣка, коснулся неминуемыхъ злоупотребленій, изъ этого возникающихъ, отвергъ съ негодованіемъ и заклеймилъ презрѣніемъ недостойныхъ

сподвижниковъ этого зла, изобразилъ яркими и теплыми красками всю пользу благомыслящаго производителя и смышленаго, оборотливаго промышленика, смѣлаго и оборотливаго, но честнаго человѣка, требовалъ отъ него, кромѣ святой добросовѣстности и страстной любви къ отечеству, также нѣсколько геніальности, а затѣмъ объявилъ мнѣ, до времени въ видѣ тайны, что онъ намѣренъ основать товарищество особаго рода — добродѣтельное, благодѣтельное, общеполезное, обѣщающее, между-прочимъ, ровно пятьдесятъ процентовъ ретивымъ членамъ своимъ. «Предпріятіе это» продолжалъ онъ: «вѣрное; оно разсчитано какъ дважды-два, а между-тѣмъ оно и довольно-ново и можно сказать даже безпримѣрно. Что жь! пора же и намъ указывать путь другимъ; не все тянуться гуськомъ. Вотъ изволите видѣть: я хочу основать дружное, тѣсное товарищество, которое мы назовемъ именно товариществомъ, а не компаніею, на зло всѣмъ нѣмцамъ — товарищество изъ

весьма–немногихъ избранныхъ людей, для образованія на паяхъ артелей мирныхъ маркитантовъ. Вамъ это покажется страннымъ? Слушайте: всякому извѣстно неудобство, затрудненіе, дороговизна, заботы и хлопоты по доставленію на домъ необходимѣйшихъ, насущныхъ потребностей: воды, дровъ и пищи. То никого послать въ мясные, зеленные ряды и къ хлѣбнику, то водовозъ запилъ къ празднику, то человѣкъ васъ обманулъ, то мясникъ обвѣсилъ, то дворникъ надулъ — словомъ, объ этомъ ничего и говорить, это аксіома. Ну, я предполагаю учредить артели, за круговой порукой, какъ учреждены биржевыя артели великимъ, геніальнымъ преобразователемъ Россіи, и артели эти будутъ не разносить — замѣтьте, а развозить по столицѣ, доставляя на домъ, всѣ съѣстные припасы, воду, и всѣ питія. На всѣхъ улицахъ устроены будутъ особыя кружки, въ которыя каждый хозяинъ опускаетъ записку, съ поименованіемъ нужнаго ему на слѣдующій день; адресы будутъ печатные, и по этой запискѣ, съ

выставкой на ней счета, въ восемь часовъ утра все принесено будетъ на вашу кухню. А? подумайте объ этомъ удобствѣ! Все это развозиться будетъ въ опрятныхъ, крытыхъ рыдванахъ, съ гербомъ и девизомъ общества на бокахъ, съ девизомъ *честность и точность* — и вы расплачиваетесь тогда, когда кухарка ваша приметъ все счетомъ, мѣрою и вѣсомъ... Вотъ обзоръ этого товарищества, съ подробными разсчетами: видите, пятьдесятъ процентовъ чистаго барыша — это вѣрно, это цифры, факты, математика... Если вы хотите присоединиться...»

Звонокъ раздался сильнѣе обыкновеннаго и дважды сряду: фокусникъ поднялъ ушки на макушку, пронеслись громкіе и смѣшанные звуки изъ передней, говоръ перешелъ въ крикъ и явную брань... Я не успѣлъ оглянуться, какъ хозяина моего не стало: онъ исчезъ въ моихъ глазахъ, какъ сквозь землю провалился, и крупные, рѣшительные шаги послышались въ залѣ, а за ними громкое оправданіе лакея: «Хоть сами извольте посмотрѣть,

нѣтъ; вонъ и они пришли–было дожидаться, да нѣтъ; видно не скоро будетъ...»

Я ухватилъ шапку, прошелъ мимо какого–то усача съ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, спустился бѣгомъ съ лѣстницы, и съ какою–то чадной головой пришелъ домой...